

М. В. Рождественская

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИЗУЧЕНИЯ «РАЙСКО-ПАЛЕСТИНСКОГО» ТЕКСТА В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ¹

Резюме

Статья посвящена вопросу об особенностях «райско-палестинского» текста в рамках темы «Русь и Святая земля», «Русь и Палестина». Рассматриваются три известных апокрифических древнерусских переводных «сказания» о путешествиях к раю: старца Агапия, Макария Римского, старца Зосимы — в страну рахманов / брахманов, — а также «Сказание о 12 пятницах». Ставится вопрос о разнообразии древнерусских письменных источников, таких как хождения, летописи, гимнография, духовные стихи и др. Рассматриваются некоторые черты поэтики названных апокрифов, обсуждается сопоставление паломничества в сакральные земли с монашеством.

Ключевые слова: Русь, Святая земля, рай, «райско-палестинский» текст, сказание, паломничество, путешествия к раю

Milena V. Rozhdestvenskaya

SOME FEATURES OF THE "PARADISE-PALESTINIAN TEXT" IN MEDIEVAL RUSSIAN LITERATURE

Abstract

This is a study of features of what can be called the "Paradise-Palestinian text" within the framework of the theme "Rus' and the Holy Land", "Rus' and Palestine". From this point of view, the article considers several well-known apocryphal "tales" about journeys to Paradise

¹ Статья написана в соответствии с госзаказом ИРЛИ РАН в рамках Программы фундаментальных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» в 2022 г.

in Old Russian translation — the journeys of Elder Agapius, of Macarius of Rome, and of Elder Zosima to the country of Rahmans (Brahmins), — and *The Tale of Twelve Fridays*. The article raises the question about the diversity of Old Russian written texts, such as journeys, chronicles, hymnography, spiritual verses, etc. It also considers some features of the poetics of these apocrypha and discusses the comparison of pilgrimage to sacred lands with monasticism.

Keywords: Rus', Holy Land, Paradise, "Paradise-Palestinian" text, legend, pilgrimage, journey to Paradise

DOI 10.31860/2712-7591-2022-41-51

В средневековой славянской книжности круг источников, связанных с изучением темы «Русь и Палестина», «Русь и Святая земля», широк — это, в первую очередь, «хождения / хождения», летописные известия, гимнография, литургические тексты, апокрифические сочинения. Особую группу составляют духовные стихи, отразившиеся как в письменной, так и в устной форме, в которых действуют герои ветхо- и новозаветной истории, разворачивающейся на земле Ближнего Востока, земле древней Палестины, — Богородица, Христос, апостолы, святые, архангелы и ангелы. Можно утверждать, что практически все жанры древнерусской книжности (в том числе и некоторые деловые записки и отчеты) связаны с библейской традицией, с богослужебной практикой, в каких бы формах они ни выражались. «Следует определить богослужение как моделирующий фактор культуры древней поры, — пишет А. Наумов, — а художественное мышление можно назвать мышлением богослужебным» [Наумов, с. 115]. Актуальность заявленной в статье темы обусловлена тем, что понятия «Святая земля», «Палестина», «рай», «паломничество» оставались предметом литературного интереса в России в течение последующих столетий [Гуминский; Александрова-Осокина 2014; 2018]. В соединении с древнерусскими памятниками описания путешествий паломников Нового времени образуют особый метатекст. При всей, казалось бы, в большей или меньшей степени изученности конкретных текстов ряд вопросов требует обсуждения. Во-первых, необходимо обобщить то, что было сделано предшественниками, и современные наблюдения над материалом, учитывая не только новые его интерпретации, но и, прежде всего, введенные в науку новые источники. Во-вторых, следует также выявить характер разнообразных историко-культурных и литературных связей Руси и Палестины и отделить мифологию от реальной истории. В свое время, изучая параллели между древнерусскими описаниями Святой земли и описаниями путешествий к раю в переводных апокрифических сочинениях, мы пришли к выводу о возможности выделить в древнерусской лите-

ратуре особый «райско-палестинский» текст, подобно тому как существуют «петербургский», «крымский», «московский» тексты [Рождественская]. В средневековых хождениях в палестинские пределы герои совершают реальное путешествие в Святую землю с благочестивой целью и по возвращении описывают его. Часто эти описания, начиная с наиболее раннего из известных нам «Хождения игумена Даниила» нач. XII в., совпадают с описаниями райского пространства в других сочинениях, преимущественно апокрифических, хотя сам рай в них не называется. Так, три древнерусских переводных «сказания» — о святом старце Агапии, о Макарии Римском и Сказание Зосимы о рахманах (брахманах) — занимают особое место в этом ряду. В работах недавно ушедшего В. В. Милькова на примере этих апокрифов и некоторых других «райских» текстов ставятся вопросы философско-богословского характера о природе земногорая, выделяются его разные концепты. Ученый писал: «„Хождение Агапия в рай“, „Хождение Зосимы к рахманам“ и „Житие Макария Римского“ давно уже объединены исследователями в единый сюжетно-тематический цикл по признаку общей для них веры в то, что рай существует непосредственно на земле» [Мильков 2016, с. 244; см. также: Мильков 1999; 2020]. Все три «сказания», как полагают, были переведены с греческого языка на южнославянской почве в X–XI вв. или в первый период развития древнерусской литературы, не позднее рубежа XII–XIII вв. В большинстве исследовательских работ и изданий они называются одинаково «сказаниями», хотя рукописная традиция их жанровых названий гораздо разнообразнее. «Сказание об отце нашем Агапии», например, могло называться «Хождение старца Агапия в рай», «Сказание о хождении...», «Житие и хождение...». Заметим, что в одних списках указывается на рассказ самого Агапия о случившемся, а в других название связано с рассказом автора о происшедшем с Агапием. В наиболее раннем из известных нам древнерусских списков — в Успенском сборнике рубежа XII–XIII вв. — апокриф имеет название «Съказание отца нашего Агапия чьсо ради оставляють роды и дома своя и жены и дѣти и възьмъше кръсть и идуць въ слѣдъ Господа якоже Еваангелие велить» [БЛДР, с. 338]. Здесь Агапий — сам автор «Сказания»; в конце долгого пути и пребывания в райском саду, удалившись от мирской суеты, он «вълѣзь въ хлѣвину сътвори молитву и съдъ написа чьтение се» [БЛДР, с. 346]. Когда он закончил писать, то к берегу приплыл корабль и Агапий отдал корабельщикам свое «сказание» с просьбой передать его патриарху Иерусалимскому, чтобы тот велел читать этот текст по всем церквям. В ряде других списков рассказ о путешествии старца в рай отдан переписчиками повествователю. Кроме «Сказания о рахманах», которое входило в состав «Александрии» —

древнерусского перевода греческого романа об Александре Македонском, — другие «сказания» — и «Сказание о Макарии Римском», и «Сказание отца нашего Агапия» — тесно связаны с житийной традицией. «Сказание о Макарии Римском» является частью Жития Макария, однако агиографический план повествования в нем не отражен, оно написано скорее в жанре хождения. «Сказание отца нашего Агапия», напротив, строится вначале по агиографическому канону, но вскоре автор оставляет его: Агапий, услышав во время молитвы голос свыше, выходит за монастырские стены, сюжет начинает разворачиваться по модели волшебной сказки, в которой, как и в житии, мотивирующую роль играет чудо. В конце повествователь снова обращается к агиографическому жанру, и кончина старца, побывавшего в райском саду и приобретшего дар чудотворения с помощью неубывающего хлеба как символа Причастия, описана в духе кончины уже не просто монаха, а святого. Таким образом, начало и конец этого текста объединены общей агиографической рамкой, внутри которой наблюдаются черты сказки, видения, поучения. В основе повествования лежит общий мотив смерти-воскресения. Так, старец Агапий, проживший в монастыре около 17 лет, уходит из монастырской жизни, словно бы умирает для нее, но при этом рождается для жизни вне монастыря, а возвратившись из рая в мир, обретя с помощью упомянутого «райского» хлеба дар чудотворения, он удаляется от городской суеты в некую «хлевину», где находит уединение в посте и молитвах. И в конце обретает там смерть снова как монах и будущий святой. Конечно, путешествие «в сторону рая» нельзя назвать паломничеством в строгом смысле слова, но то преображение, которое испытывает старец Агапий, причастившись чудесным хлебом и сладкой чистой водой, свидетельствует о близости этих явлений. О том, что «паломничество в своей богословской подоплке (...) выглядит сродни монашеству», писал А. В. Назаренко [Назаренко, с. 288]. Правда, старца Агапия считать паломником в строгом смысле слова нельзя — он идет «за Господом» не сознательно, но лишь подчиняется тайному голосу, желая получить ответ на свой вопрос, зачем люди оставляют свои семьи, дома, имущество и отправляются «вослед Господу». Агапий временно попадает в рай, который в апокрифе прямо не назван, но описывается теми же литературными средствами, что и Святая земля². Поэтому слово «паломничество» в данном случае весьма условно. Однако А. В. Назаренко в «Сказании отца нашего Агапия» усматривает «противопоставление монастырского *сидения* странничеству... наивно и буквально понятому как бесприютное перемещение в пространстве,

² Подробнее см.: [Рождественская].

весьма показательно иллюстрируя апокрифическую народную идею паломничества». Пути Господни, — пишет исследователь, — «оказываются ведущими не в монастырь, а из монастыря». Паломник, как и монах, считает А. В. Назаренко, «призван, словно по острию ножа, пройти между подстерегающими его соблазнами, каждый из которых способен уничтожить духовную пользу от паломничества» [Назаренко, с. 290]. О «Сказании об отце нашем Агапии», которое относится к так называемой парабиблейской литературе, существуют исследования относительно текстологической истории сохранившихся списков, соотношения греческого текста и его славянского перевода, а также архаических и фольклорных мотивов в нем [Хачатурян; Роре 1984—1985; Селиванова; Мильков 1999; Пенская 2017а; 2017b]. Однако полного текстологического анализа всех многочисленных списков не проводилось, как и в случае «Сказания о Макарии Римском». Более того, в настоящее время списки текста об Агапии тоже выявлены далеко не полностью. Напомню, что самый ранний известный нам восточнославянский список — в Успенском сборнике — датирован рубежом XII—XIII вв. «Сказание» было популярно также в старообрядческой среде, как и целый ряд других апокрифов, связанных не только с темой рая, но и с палестинской и иерусалимской темой в целом, например в составе сборников из многих территориальных собраний Древлехранилища им. В. И. Малышева в ИРЛИ РАН (Усть-Цилемском, Печорском, Пинежском, Карельском и др.). По нашим предварительным наблюдениям, только в собрании В. Н. Перетца содержатся 4 списка «Сна Богородицы», 3 списка «Хождения Богородицы по мукам», 4 списка «Иерусалимского свитка» («Епистолии о неделе»), 1 список «Сказания о крестном древе», 5 списков «Сказания о 12 пятницах», 7 списков «Георгиева мучения», 7 списков «Пророчества Исаяи-пророка», 7 списков «Слова Евсевия Александрийского о сошествии Иоанна Предтечи в ад», 1 список «Переписки Пилата с Тиверием кесарем», 2 списка «Видения апостола Павла». Есть и несколько списков «Сказания отца нашего Агапия», один из них — в собрании В. Н. Перетца, № 143, датируемый 1620-ми гг., отличается подробностями, которых нет в других списках. Сборник западнорусского происхождения, на что указывают языковые полонизмы. Сборник включает в основном апокрифы: «Сказание о 12 пятницах», «Слово об Аврааме», «Хождение Богородицы по мукам», «Сказание Афродитиана», «Сказание Анфилоху, како вниде в Русалим и рече: хочу видети веру христианскую и поганую, что есть»³. Все эти списки относятся к раз-

³ Сборник № 143 достоин особого рассмотрения, он содержит не только перечисленные апокрифы, но и другие тексты.

ному времени, в основном к XVI–XVIII вв. Не так давно «Сказанию отца нашего Агапия» была посвящена кандидатская диссертация Д. С. Пенской, в которой впервые предпринято комплексное исследование греческого текста Сказания в его взаимоотношении со славянской рукописной и литературной традициями [Пенская 2017b]. В работе проясняется степень апокрифичности «Сказания», что позволило исследовательнице вновь поставить вопрос о каноничности / неканоничности как с богословской, так и с научной точки зрения большого круга переводных текстов. Д. С. Пенской был представлен также экскурс в историю восточнохристианского монашества и практики описаний путешествий по пустыне в поисках некоего райского локуса или страны блаженства в византийской историко-культурной и литературной традиции. Автор диссертационного исследования сопоставила «Сказание об отце нашем Агапии» с упоминаемыми нами византийскими «райскими» текстами: Житием Макария Римского, Сказанием Зосимы о рахманах, рассказами Патермуфия из истории египетских монахов, Житием повара Ефросина, Житием Андрея Юродивого и др. Она показала, как под пером древнеславянского переводчика и древнерусского переписчика / переписчиков и редакторов исходный греческий текст «Сказания» прочитывается на иной культурной и литературной почве. Нельзя согласиться лишь с тем, что «Сказание отца нашего Агапия», по мнению Д. С. Пенской, представляет собой сказочный нарратив, поскольку, как уже упоминалось, оно одновременно включает в себя жанровые элементы хождения, волшебной сказки, мифа и легенды. Сопоставление автором диссертации «Сказания» с ирландским средневековым «Плаванием святого Брендана» обнаруживает в обоих текстах литературные параллели и общие мотивы, что, по мнению Д. С. Пенской, наводит на мысль о существовании контактов древних ирландцев с восточными христианами.

В «Сказании о Макарии Римском» путешествие трех палестинских монахов туда, где «небо сходится с землею», построено не только как путешествие в поисках рая, но и как хождение в Святую землю. Помимо общих топосов, описывающих трудность пути и райский локус, на это указывает то обстоятельство, что перед выходом в путь монахи идут поклониться святыням, словно попросить благословения у Господа на путешествие, как это было принято в паломнической практике. «И тоя нощи изидохом из монастыря отаи. Идохомъ въ Ерусалимъ дни 16 и поклонихомъся Божию гробу и честному кресту. Идохомъ въ святыи Вифлеомъ и поклонихомъся святыи пещерѣ, идѣже родися Христось, и видѣхомъ звѣзду и кладязь водный. Идохомъ дале 2 поприща, обрѣтохомъ мѣсто, идѣже ангели пояху „Слава в вышнихъ Богу“. И возвратихомъся, и взидохомъ на гору Елеонскую, идѣже

Христось взиде, и придохом въ Ерусалимъ, и створихом ту днии 12, ходяще по монастырем и молящеся Богу» [БЛДР, с. 322]. В «Сказании Зосимы о рахманах / брахманах» описывается некая утопическая страна блаженных, куда путь тоже непрост, полон препятствий. Эти сочинения, помимо объединяющего их «райско-палестинского» текста, связаны общим мотивом пути. Он представляет собой развернутую сюжетную канву, на которую «нанизываются» препятствия в виде диких зверей, морской бури, человеческих монстров, ледящего холода или обжигающей жары.

С христианским Востоком, хотя и не столь явно, связано и апокрифическое «Сказание о 12 пятницах», имеющее широкую древнеславянскую рукописную традицию начиная с XIII в. События, описываемые в нем, происходят в городе, который в разных древнеславянских списках называется по-разному (Шептаил, Шептал, Воспиталь, Шипел, Шеплал и др.). Город этот находится в земле Лаура (Лавра), «в западной стороне». Указание на запад свидетельствует о том, что сам автор, по-видимому, находится на востоке. Однако в некоторых южнославянских списках это город Драч (итальянский Дураццо). Полагаем, что возможно предположение о том, что события в «Сказании о 12 пятницах» происходят именно на христианском Востоке, так как основу сюжета составляет религиозный спор между христианином Тарасием (Тарсием) и иудеем Элевферием (Ельферием) — прение о вере. Спор этот выстроен по эпической модели [БЛДР, с. 242–247]. После того как жители города, среди которых были иудеи и христиане, чуть не убили друг друга из-за спора о том, чья вера лучше, спор решается поединком — религиозным диспутом между христианином Элевферием и иудеем Тарасием (Тарсием) при жестком условии, что побежденный примет веру победившего. Каждый для аргументации приводит примеры из текстов Ветхого и Нового Заветов. Мотив прения о вере в «Сказании о 12 пятницах» имеет четко выраженную эпическую структуру: выбор поединщиков, оговаривание условий, троекратное схождение сторон в споре, подмога со стороны проигрывающего — здесь эта подмога в лице сына иудея оказывается мнимой, так как сын переходит на сторону противника, — наконец, посрамление врага. Перечисленные структурные элементы отсылают не только к фольклорной, но и к летописной традиции, к рассказу под 992 г. о «юноше-кожемяке», к рассказу под 986 г. о выборе веры князем Владимиром Святославичем, в основе которых, несомненно, лежит устное предание, если иметь в виду не конкретные события, а построение сюжета. Подобное прение о вере мы встречаем также и под 6855 (1347) годом в летописях: Карамзинской, летописи Авраамки, Софийской Первой, Новгородской первой младшего извода, — где читается рассказ о том, как Магнуш, «король свейский»,

присылает неких чернецов в Новгород с предложением, чтобы новгородцы прислали «на съезд» своих «философов», а Магнуш пришлет своих, и они «поговорят о вере». Если шведские философы убедят новгородцев, что их вера лучше, то новгородцы должны признать их правоту, принять их веру и объединиться со шведами. А если лучшей верой в этом споре-диспуте будет признана вера новгородцев, то Магнуш вынужден будет принять ее и признать их правоту. Эпический мотив богословского спора-поединка реализован также в апокрифе «Сказание о 12 пятницах», правда, с той разницей, что в летописных текстах он служит лишь поводом для политических действий и отношений. В последние годы на примере описания и анализа многочисленных списков из сборников, хранящихся в Древлехранилище им. В. И. Малышева в ИРЛИ РАН, С. В. Ивановым была тщательно изучена рукописная история «Сказания о 12 пятницах» [Иванов]. Напомним, что уже А. Н. Веселовский, который писал о значении пятничного дня недели и его связи с народным культом Параскевы Пятницы в русской духовной культуре, приводя при этом широкие западноевропейские литературные параллели, указывал на существование двух основных редакций этого «Сказания» — Климентовскую и Элевфериевскую [Веселовский]. С. В. Ивановым были расширены и уточнены некоторые положения ученого. А. А. Панченко в ранней своей статье на близкую тему отметил, что «кроме разнообразных обрядов и поверий, относящихся к культу св. Параскевы, в России была распространена группа фольклорных текстов о почитании пятничного дня» [Панченко, с. 110]. И первым в этой группе автор упоминает апокрифическое «Сказание о 12 пятницах». Согласиться с характеристикой апокрифа как преимущественно фольклорного текста, на первый взгляд, не представляется возможным, так как он активно функционировал в древнерусской письменной традиции и в целом ею порожден. Хорошо известны бытовавшие в разных славянских областях устные варианты духовного стиха «о 12 пятницах», причем в основном они представляют ту часть письменного «Сказания», в которой перечисляются и объясняются каждый из 12 «именных» или «временных» пятничных дней годового цикла. Перечень этих дней представлен в разной последовательности в зависимости от того, шел счет по мартовскому или сентябрьскому календарю. В эти пятницы христианам полагается особо строгий пост. Литературное «Сказание о 12 пятницах», ставшее источником устной традиции, связано с объяснением и семантикой христианского поста. Главное ядро сюжета «Сказания» — испытание, а не самопрение о вере, потому что спор о ней подразумевает веру, уже избранную народом. Ее истинность надо только подкрепить примерами и ссылками на Священное Писание. Отсюда и появляется дидактическая тема пользы по-

ста. Связанная с письменной традицией учительно-назидательной литературы, душеполезного чтения, она переключает весь предшествующий текст «Сказания о 12 пятницах» в иной семантический план.

Итак, тема историко-литературных связей Руси и Палестины, «райско-палестинского» текста в виде жанра хождений в Святую землю и апокрифических сочинений о путешествиях к раю, тема иудейско-христианской полемики, разнообразна в своих источниках и требует более подробного исследования не только на уровне выявления общих мотивов и сюжетной организации, но и, прежде всего, строгого текстологического и источниковедческого анализа разных в жанровом отношении текстов.

Литература

- Александрова-Осокина 2014 — Александрова-Осокина О. Н. Паломническое путешествие в русской литературе 1800–1860-х гг.: русский образ Святой земли. Хабаровск: Изд-во Дальневост. гос. гуманитар. ун-та, 2014. 275 с.
- Александрова-Осокина 2018 — Александрова-Осокина О. Н. Паломническая проза 1800–1860-х гг.: Священное пространство, история, человек. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2018. 432 с.
- БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2004. Т. 3: XI–XII века. 414 с.
- Веселовский — Веселовский А. Н. Опыты по истории развития христианской легенды // Журнал Министерства народного просвещения. 1875. Ч. 178. Апрель. С. 283–331; Ч. 179. Май. С. 48–130; 1876. Ч. 183. Февраль. С. 241–288; Ч. 184. Март. С. 50–116; Ч. 185. Июнь. С. 326–367; 1877. Ч. 189. Февраль. С. 186–252; Ч. 191. Май. С. 76–125.
- Гуминский — Гуминский В. М. Паломническая традиция в русской литературе путешествий // Теория Традиции: христианство и русская словесность: Кол. монография. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. С. 59–97.
- Иванов — Иванов С. В. «Сказание о 12 пятницах» в рукописях ИРЛИ РАН (Пушкинского Дома) // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2011. СПб.: Наука, 2012. С. 34–70.
- Мильков 1999 — Мильков В. В. Апокрифы на Руси: история бытования // Древнерусские апокрифы. М.: Изд-во Русского Христианского гуманитар. ин-та, 1999. С. 15–78. (Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты).
- Мильков 2016 — Мильков В. В. Концепт земногорая в памятниках древнерусской письменности // Христианское чтение. 2016. № 6. С. 241–276.
- Мильков 2020 — Мильков В. В. Земной рай в религиозных представлениях Древней Руси // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8, № 1. P. 19–35.
- Назаренко — Назаренко А. В. У истоков русского паломничества (исторические, богословские, дисциплинарные и правовые аспекты) // Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. С. 284–297. (Древнейшие государства Восточной Европы. 2007 год).

- Наумов — *Наумов А. С.* Кирилл Туровский и Священное Писание // *Philologia Slavica: К 70-летию акад. Н. И. Толстого*. М.: Наука, 1993. С. 114–123.
- Панченко — *Панченко А. А.* Русский культ св. Параскевы Пятницы и почитаемые камни Новгородской земли // *Дивинец Староладожский: Междисциплинарные исследования*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1997. С. 107–119.
- Пенская 2017а — *Пенская Д. С.* Византийское «Сказание отца нашего Агапия»: греческий текст и славянский перевод // *Slověne = Словѣне*. 2017. № 2. С. 101–136.
- Пенская 2017b — *Пенская Д. С.* Греческое «Сказание отца нашего Агапия»: богословский диспут в сказочном нарративе: Дис. ... канд. культурологии. М., 2017. 379 с.
- Рождественская — *Рождественская М. В.* Реальное и мнимое (о «райско-палестинском тексте» в древнерусской литературе) // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2003 год: Материалы и исследования: Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М.: Восточная литература, 2005. С. 209–231.
- Селиванова — *Селиванова С. В.* Проблемы фольклорной основы литературного текста: Апокриф «Сказание отца нашего Агапия»: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1992. 224 с.
- Хачатурян — *Хачатурян В. М.* Русские редакции эсхатологических апокрифов (кон. XV — XVIII в.): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. 346 с.
- Pope 1983 — *Pope R. W. F.* On the Fate of Utopian Apocryphal Apocalypses among the South and East Slavs: The Narration of Our Father Agapius // *Canadian Slavonic Papers*. 1983. Vol. 25, № 1. P. 1–12.
- Pope 1984—1985 — *Pope R.* The Greek Text of the "Narration of Our Father Agapius the Syrian" // *Cyrrillomethodianum*. 1984–1985. № 8–9. P. 233–260.

References

- Aleksandrova-Osokina, O. N. (2014). *Palomnicheskoe puteshestvie v russkoi literature 1800—1860-kh godov: russkii obraz Svyatoi zemli*. Khabarovsk: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, 275 p.
- Aleksandrova-Osokina, O. N. (2018). *Palomnicheskaya proza 1800—1860-kh godov: Svyashchennoe prostranstvo, istoriya, chelovek*. 3-e izd. Moscow: Flinta: Nauka, 432 p.
- Biblioteka literatury Drevnei Rusi* (2004). Saint Petersburg: Nauka. Vol. 3: 11–17 veka, 414 p.
- Guminskii, V. M. (2009). 'Palomnicheskaya traditsiya v russkoi literature puteshestvii', in: *Teoriya Traditsii: khristianstvo i russkaya slovesnost': Kollektivnaya monografiya*. Izhevsk: Izdatel'stvo "Udmurtskii universitet", 59–97.
- Ivanov, S. V. (2012). "'Skazanie o 12 pyatnitsakh" v rukopisyakh Instituta russkoi literatury Rossiiskoi akademii nauk (Pushkinskogo Doma)', in: *Trudy Ob"edinennogo nauchnogo soveta po gumanitarnym problemam i istoriko-kul'turnomu naslediyu*. 2011. Saint Petersburg: Nauka, 34–70.
- Khachaturyan, V. M. (1984). *Russkie redaktsii eskhatalogicheskikh apokrifov (konets 15 — 18 veka): Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk*. Moscow, 346 p.
- Mil'kov, V. V. (1999). 'Apokrify na Rusi: istoriya bytovaniya', in: *Drevnerusskie apokrify*. Moscow: Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta, 15–78. (Pamyatniki drevnerusskoi mysli: issledovaniya i teksty).

- Mil'kov, V. V. (2016). 'Kontsept zemnogo raya v pamyatnikakh drevnerusskoi pis'mennosti', *Khristianskoe chtenie*, 6, 241–276.
- Mil'kov, V. V. (2020). 'Zemnoi rai v religioznykh predstavleniyakh Drevnei Rusi', *Quaestio Rossica*. Vol. 8, 1, 19–35.
- Naumov, A. (1993). 'Svyatoi Kirill Turovskii i Svyashchennoe Pisanie', in: *Philologia Slavica: K 70-letiyu akademika N. I. Tolstogo*. Moscow: Nauka, 114–123.
- Nazarenko, A. V. (2009). 'U istokov russkogo palomnichestva (istoricheskie, bogoslovskie, distsiplinarnye i pravovye aspekty)', in: Nazarenko, A. V. *Drevnyaya Rus' i slavyane (istoriko-filologicheskie issledovaniya)*. Moscow: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, 284–297. (Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2007 god).
- Panchenko, A. A. (1997). 'Russkii kul't svyatoi Paraskevyy Pyatnitsy i pochitaemye kamni Novgorodskoi zemli', in: *Divinets Staroladozhskii: Mezhdistsiplinarnye issledovaniya*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 107–119.
- Penskaya, D. S. (2017). *Grecheskoe "Skazanie ottsa nashego Agapiya": bogoslovskii disput v skazochnom narrative: Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata kulturologii*. Moscow, 379 p.
- Penskaya, D. S. (2017). 'Vizantiiskoe "Skazanie ottsa nashego Agapiya": grecheskii tekst i slavyanskii perevod', *Slověne*, 2, 101–136.
- Pope, R. W. F. (1983). 'On the Fate of Utopian Apocryphal Apocalypses among the South and East Slavs: The Narration of Our Father Agapius', *Canadian Slavonic Papers*, Vol. 25, 1, 1–12.
- Pope, R. (1984–1985). 'The Greek Text of the "Narration of Our Father Agapius the Syrian"', *Cyrrillomethodianum*, 8–9, 233–260.
- Rozhdestvenskaya, M. V. (2005). 'Real'noe i mnimoe (o "raisko-palestinskom tekste" v drevnerusskoi literature)', in: *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2003 god: Materialy i issledovaniya: Mnimye real'nosti v antichnykh i srednevekovykh tekstakh*. Moscow: Vostochnaya literatura, 209–231.
- Selivanova, S. V. (1992). *Problemy folklornoi osnovy literaturnogo teksta: Apokrif "Skazanie ottsa nashego Agapiya": Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk*. Saint Petersburg, 224 p.
- Veselovskii, A. N. (1875–1877). 'Opyty po istorii razvitiya khristianskoi legendy', *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Vol. 178, April', 283–331; Vol. 179, May, 48–130; Vol. 183, Fevral', 241–288; Vol. 184, Mart, 50–116; Vol. 185, Iyun', 326–367; Vol. 189, Fevral', 186–252; Vol. 191, Mai, 76–125.